

УДК 811.161.1

«СТЕПНАЯ КНИГА» О. ПАВЛОВА: СПЕЦИФИКА ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЙ ФОРМЫ

© 2010 г.

Т.В. Романова

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова

tvromanova@mail.ru

Поступила в редакцию 31.03.2010

Рассматриваются стиль, жанр, система и особенности текстовых категорий в «Степной книге» О. Павлова, московского писателя. Открывается возможность определения повествовательной формы «Степной книги» как традиционного повествования, композиционная целостность которого основана на сознании повествователя.

Ключевые слова: образ автора, повествователь, классический нарратив.

Жанр «Степной книги» определен как «повествование в рассказах». Книга состоит из трех циклов, объединенных тематически, стилистически, авторской позицией (*художественное произведение на “армейскую” тему, посвященное людям, пытающимся не только выжить, но и жить в условиях изоляции от “нормального” мира – с. 4.*) и художественным образом, *духом азиатских степей (с. 7) (Глядя кругом, он поневоле побаивался этой степи: «Змеями пахнет, шкурой их вяленой... – с. 37)*¹. Первый цикл лирический, «Караульные элегии». Второй – драматический, «Записки из-под сапога». Третий – трагический, «Правда карагандинского полка». «Степная книга» – это для автора «первый сознательно подведенный итог, и в творчестве, и прожитому, освобождающий от старых долгов» (с. 4). Первая категория, которая объединяет три цикла рассказов, написанных в разное время, в единое произведение, – это образ автора, фигура повествователя.

Несмотря на то что, к примеру, В.В. Виноградов подчеркивал невозможность использования биографических сведений при трактовке образа автора, мы считаем это необходимым, т.к. авторское сознание как средоточие, комплекс идей, эстетических, нравственных установок, ориентиров, которое транслируется в образе автора, формируется под влиянием жизненных обстоятельств.

Такие биографические вехи, как «болезнь чтения» (Ф. Достоевский, А. Платонов и т.д.), служба в конвойной части внутренних войск МВД СССР (Туркестан – Средняя Азия, Карагандинская область – Северный Казахстан), работа вахтером в больнице, определили творческую авторскую позицию.

Порождающее авторское сознание выявляется уже с выбора автобиографической темы произведения. В ситуации нарратива аналогом образа автора является повествователь: «<...> именно повествователь является тем субъектом сознания, который непосредственно воплощен в тексте и с которым имеет дело читатель» [5: 201–202].

Тип повествователя «Степной книги» – диегетический, персонифицированный, принадлежащий миру текста. Несмотря на то что повествователь называет себя только в 1-м лице, его нельзя считать экзегетическим, т.к. относящиеся к нему предикаты не носят метатекстового характера, повествователь является непоименованным персонажем-солдатом, участником сюжетного повествования, из которого складывается минимальная биография; он занимает определенную пространственно-временную позицию в тексте: *К вечеру солдату очень хочется жрать. А потому я очень обрадовался, когда ротный, товарищ лейтенант Хакимов, наказал, с обычным для себя матюгом, выстраиваться на ужин (с. 8).* В «Повествовании в рассказах» сочетается перволичная повествовательная форма, где рассказчиком является персонаж, и нарратив 3-го лица. В пределах структурного целого, отдельного рассказа, единство точки зрения повествователя, как того требует повествовательная норма, сохранено.

Перволичная форма повествования не соотносится с наличием имени у героя-повествователя, это создает эффект обобщения образа повествователя (я один из многих=солдат): *Наши лейтенант Хакимов прячется от жары, как грибок, под шляпочкой-фуражечкой (с. 10).* Повествователь всезнающий, мотивированный, носитель определенных

морально-эмоциональных установок: *Ему кажется, что оскальные зеки впиваются в него и клыками рвут на куски <...> А мы с Долоховым жалеем его потому, что уже мертвы. Мы умерли первыми. А часом позже порезанными оказался весь взвод, в котором был лейтенантом Хакимов. Он прячется под фуражечку. Он страсть как боится мертвецов. А еще ему стыдно. Это он на устроенном понарошку имоне наказал, чтобы я стал конвойным, а Долохов зеком. Долохов должен был прятать лезвие бритвы, а я – его отыскивать* (с. 11).

В редких случаях свои функции повествователь передает рассказчику, например, в рассказе «Петушок» цикла «Правда карагандинского полка» рассказчик Чумаков, *отсидевший в дисбате шоферюга* (с. 125).

По выражению самого автора, книга выросла из образа, «духа азиатских степей» (с.7). Естественно, этот образ цементирует цельность «повествования в рассказах» и именно поэтому выносятся в сильную позицию текста, в позицию заголовка. В тексте «Степной книги» **степь** получает разное языковое воплощение и обладает рядом семантических признаков, характеризующих данное концептуальное поле.

1. 'Холодное пустое место, вызывающее тоску'.

2. Концептуальное поле **Степь** коррелирует в тексте с концептами **Простор, Воля, Судьба, Путь**, с образом **Дороги**. Его репрезентация осуществляется посредством самой лексемы **степь**, контекстуальных синонимов **простор, дорога** (наиболее важные локусы художественного пространства). Сама ядерная лексема **степь** фиксирует в тексте романа словарные значения: 1) обширное пространство; 2) покрытое травянистой растительностью; 3) протяженность во времени.

3. Степь как 'чужое', 'некомфортное' пространство, убивающее человека.

4. Степь пугает (семы 'боязнь', 'смерть').

5. Оценочные семы: заголовок рассказа «**Великая степь**». Образ-символ степного пространства. В структуру образного значения входят семы 'гладь', 'сон', 'покой', 'вечность', 'смерть', 'бесприютность', 'тяжесть', 'жара', 'мороз': *Лагерное поселение в кулундинской степи жило своей сонливой, почти мирной и нетюремной жизнью. Долгое марево степного лета и беспробудная степная зима, с ее снегами выше человеческого роста, мертвящими ледяными ветрами, близким свинцовым непроглядным небом, погружали это местечко будто б в сон. Казалось, что и зло здесь не свершится никогда, потому что круглый год жи-*

вут люди по жаре или по морозу как во сне, ходят – бродят то жаркими бестелесными тенями, то окутанными паром и стужей призраками <...> поволнуется – и умахнет по степной глади (с. 94).

Символическое значение слова **степь** связано с такими противопоставлениями, как **жизнь – смерть (сон), конечное – бесконечное, верх – низ** (вербализовано в тексте с помощью лексем *небо и степь*).

Диффузность концептуального поля 'степь' проявляется в нивелировании дихотомии **жизнь – смерть** (см. пример текста выше), хотя, скорее, данная пространственная категория, ее образно-символическое воплощение в тексте, выступает в качестве символа смерти (сна). Не случайно В.О. Ключевский указывал на то, что «степь <...> вместе с дарами несла <...> едва ли не более бедствий» [1: 87]. В русской символике **степь** является гибельным пространством. Оно «незащищенное мужское место битвы: с врагом или с природой» [8: 71]. В этой связи абсолютно очевидна концептуализация степи как стихии. Человек противопоставляет себя этому разрушающему началу и нередко становится его жертвой. Таким образом, в концептуальном плане **степь** и **смерть** синонимичны [6: 140].

С другой стороны, анализ самой лексемы и наиболее типичных для нее образцов сочетаемости свидетельствует о том, что **степь** есть не только отражение безмерности, тоски и т.д., а, скорее, наоборот, символизирует волю в высшем ее проявлении (*великая степь*), родство с землей и окружающим человека миром. Подобное единение фиксирует мифопоэтическая традиция и русская религиозная философия [2; 6].

Авторская интенция меняется от лирической (**элегии**) до трагической («**Правда карагандинского полка**»). Это определяется спецификой членения текста на три самостоятельных блока рассказов, внутри которых каждый рассказ автосемантичен, но одновременно интегрирует, соотносится и с заголовочным блоком части и книги в целом. Таким образом, каждый блок целен и завершен, и книга воспринимается как единое, целое, завершенное произведение.

Первый блок рассказов объединен заголовком «Караульные элегии».

Сочетание с определением **караульные** актуализирует переносное употребление слова элегия: 'грусть', 'меланхолия', 'скорбь', 'философские размышления'. В синтагматической сочетаемости смысл знака можно интерпретировать как 'философские грустные размышления служащего конвойной роты', 'грустные раздумья о жизни солдат караульной служ-

бы' и т.д. Название одного из рассказов каждого цикла повторяет название всего цикла. В данном случае для названия рассказа автор употребляет форму ед. числа, «*Караульная элегия*». Таким образом, во-первых, актуализируются значения 'жанр': 'произведение, проникнутое грустным, печальным настроением'; 'содержание жанра': 'выражение философских размышлений, грустных раздумий, скорби' (рассказ о жестокости нечаянных расправ и о ритуальном искуплении вины: о раздавленных солдатскими сапогами совокупающихся ящерах и о дальнейшем их ритуально-солдатском захоронении); во-вторых, пропадает возвышенный романтико-лирический ореол, нивелируется стилистико-оценочная сема в структуре знака **элегия**, что спровоцировано нарушением стилистической и семантической сочетаемости (*караульная элегия*).

Указанные выше семантические компоненты лексического значения слова **элегия** «наследуются» названиями рассказов цикла «Караульные элегии»: «Тайная вечеря», «Между небом и землей», «Горе в котелке», «Живой», «Солдатская».

Цикл «Записки из-под сапога» можно назвать зарисовками о «несуразной» солдатской жизни. Предлог **из-под** «соединяет значения предлогов «из» и «под» [7: 1179]. В данном авторском употреблении, на наш взгляд, совмещаются следующие значения указанного предлога: «указание на предмет, под которым находится место, откуда осуществляется действие, движение», «указание на состояние, положение, от которого кто-что-л. освобождается»; кроме того, словоформа «из-под сапога» формально, а потом и семантически ассоциируется с переносным значением словоформы «из-под полы», «из-под прилавка» ('в обход закона, неофициально') [4: 142], ср. название последнего цикла «**Правда** карагандинского полка».

Рассказы, объединенные в цикл «Правда карагандинского полка», наиболее трагичны по содержанию. Правда о жизни полка заключается в том, что *все начальники, а правды и порядка нет, что жизнь в полку <...> делалась <...> тягучей и скучной, даже попугай тоже сдох в этом громадном бездушном полку* (рассказ «Правда карагандинского полка»); ср. также названия рассказов «Расстрельная комната», «Смерть военкора», «Беглый Иван» и др., аллюзии на сталинские времена (рассказ «Староре-

жимный анекдот») или повествование о судьбе частного человека в «казенном доме» (рассказы «Гнушин и Мария», «Беглый Иван»).

Итак, повествовательную форму «Степной книги» О. Павлова можно определить как традиционный нарратив, как форму, при которой залогом композиционной целостности текста служит сознание повествователя. Внутри повествования сочетается перволичное повествование (повествователь – персонаж, рассказчик – персонаж) и нарратив 3-го лица (экзегетический повествователь), при этом в пределах одного рассказа сохраняется единство точки зрения повествователя. В нарративе 3-го лица «авторская субъективность» не исключается, она ограничена пределами лирических и риторических отступлений. В перволичном нарративе субъективность допускается в основной корпус повествования.

Средством трансляции авторского сознания, средством создания образа автора является все: от морально-нравственных оценок образов персонажей до употребления знаков препинания и графических средств» [3: 49].

Примечание

1. Цитаты из книги О. Павлова приводятся по изданию: О. Павлов. Степная книга: Повествование в рассказах. СПб., 1998.

Список литературы

1. Ключевский В.О. Сочинения: В 9-ти т.: Курс русской истории. Т. 1. М., 1987.
2. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб., 2006.
3. Мельничук О.А. Композиционные средства выявления авторского сознания в художественных произведениях с повествованием от 1-го лица // Вестник МГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2002. № 4.
4. Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова / Под ред. В.В. Морковкина. 2-е изд., испр. М., 2002.
5. Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива). М., 1996.
6. Руднев Е.Н. Концептуальное поле «Дом» в романе А.И. Эртеля «Гарденины»: Дисс. ... канд. филол. наук. Липецк, 2009.
7. Толковый словарь русского языка: В 4 т. Т. 1 / Под ред. Д. Ушакова. М., 1996.
8. Шейнина Е.Я. Энциклопедия символов. М.; Харьков, 2003.

«STEPPE BOOK» BY O. PAVLOV: SPECIFICS OF NARRATIVE FORM

T.V. Romanova

The article considers the style, genre, system and specificity of textual categories in «The steppe Book» by O. Pavlov, a Moscow writer. The author reveals the possibility of defining the narrative form of «The Steppe Book» as a traditional narrative whose compositional integrity is based on the narrator,s consciousness.

Keywords: image of the author, narrator, classical narrative.